

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ

Журавлев А.Л., Юревич А.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИИ

Авторы рассматривают социально-психологические и социокультурные составляющие коррупции. Выделяются основные направления психологического изучения коррупции. Авторы приходят к выводу о том, что юридические меры противодействия коррупции должны дополняться неюридическими, в разработке которых самое активное участие должны принимать психологи.

The authors scrutinize socio-psychological and socio-cultural components of corruption. The basic directions of psychological investigations of corruption are singled out. The authors arrive at conclusion that juridical measures of it's overcoming should be supplemented with non-juridical worked out with active participation of psychologists.

Журавлев А.Л. – член-корреспондент РАН, директор ФГБУН Института психологии РАН, доктор социологических наук

Юревич А.В. – член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ФГБУН Института психологии РАН

Ключевые слова: коррупционное поведение, психологическая наука и практика, массовое сознание, формальные и неформальные отношения, психологические меры противодействия коррупции

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных [1], соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем еще в 2000 г. она находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Объем коррупционных сделок увеличился в нашей стране с 40 млрд. долл. в 2001 г. до 300 млрд. долл. в 2006г. [2]. Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х гг. возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долл., а средний масштаб «откатов» в начале 2000-х гг. составлял 5–10 % от суммы заказа, в середине 2000-х – 30 %, в конце же 2000-х – до 70 % [3].

При этом в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект». Продаются не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и многое другое. Отечественная рыночная экономика – самая

«рыночная» в мире, в том печальном смысле, что у нас можно купить то, что в других странах не купишь. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», – отмечает С.П. Глинкина [2, с. 236]. Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе [4, с. 4], где заседает подозрительно много сверхбогатых людей, а также данные о том, что коррупционные доходы депутатов в 15–20 раз превышают их официальные заработки [5]. Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» [2] и т.п., причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае – журналистов. И закономерно, что все чаще звучат такие утверждения, как «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» [6, с. 460]; «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» [2, с. 444]; «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является, самым массовым» [5] и др.

Исследователи проблемы подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое¹, системно организованное социальное явление, интегрирующее в себя экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие [2]. Присутствует в нем и психологическая составляющая (имея самостоятельное значение, она органически включена и в перечисленные – социальную, управленческую, этическую и др.), что создает для психологической науки необходимость включения в его междисциплинарное изучение, а для психологической практики – в его искоренение.

Психология только начинает присоединяться к сообществу научных дисциплин, изучающих коррупцию. Справедливо отмечается, что «В современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» [8, с. 188]. А «научные исследова-

¹Одна из основных классификаций ее форм основана на различии бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман описывает такие, как «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция [7]. Различают также «низовую» и «верхнюю» коррупцию и т.п.

ния коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их односторонность. Она выражается в том, что в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т.д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишённые потребности и чувств. Поэтому и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» [9].

Тем не менее, психология коррупции как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования уже формируется, при этом прорисовываются и ее основные составляющие: 1) психология коррупционеров; 2) психология коррумпирующих, т.е. дающих взятки и т.п.; 3) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию; 4) изучение отношения в обществе к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам.

В психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как стремление общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. [8]. Психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. При этом они, как правило, полагают, что *расплата за их коррупционную деятельность не наступит никогда* [там же]². Для них характерны такие виды психологической защиты, как отрицание и компенсация, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Это убеждение позволяет коррупционерам отрицать свою коррупционную деятельность как преступление («все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше»), преподнося ее как своего рода «экспроприацию экспроприаторов».

В описанных исследованиях выявилась также взаимосвязь коррупции и агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупции явля-

²Аналогичный эффект выявлен в зарубежных исследованиях коррупции и назван Й. Ламмерсом «моральной близорукостью» [10].

ется скрытая агрессия [там же], а, стало быть, высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества [11], вносит большой вклад и в распространенность коррупции. При этом коррупция, хотя и является, в глазах многих, не агрессивным преступлением, однако лежит в основе многих агрессивных преступлений. Далеко не единичная система отношений, сложившихся в станице Куцевской, события на Манежной площади, проникновение террористок на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многое другое имеют в своей основе именно коррупцию.

Любопытные результаты дало социально-психологическое изучение мотивов коррупционного поведения, которое высветило два ведущих мотива: достаточно очевидный, состоящий в стремлении к материальным благам, и менее тривиальный, заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре [9]. По мнению Ю.М. Антоняна, «Игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными, и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняет как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» [9].

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции (вообще в данном случае дисциплинарная граница очень условна), проводимые фондом ИНДЕМ. В частности, фиксируются такие характеристики современной российской коррупции, как открытость и цинизм [5]. Они согласуются с приведенными выше данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся расплаты за свои действия и считают их вполне оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты, отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» взяточничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. Отметим в данной связи, что, согласно данным зарубежных исследований, наибольших успехов в коррупционных махинациях добиваются высокоинтеллектуальные и творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач [10], а некоторые коррупционные схемы поражают сложностью и совершенством.

Аналитики подчеркивают три важных свойства отношения российского населения к коррупции, непосредственно связанные с нашей массовой психологией.

Первое свойство – толерантность к коррупции, отношение к ней как к

повсеместному («воруют-с», «все берут» и т.п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезно-го осуждения. Как пишет Ю.Ю. Болдырев, «сама идея нормальности «минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» [6, с. 457]. А в отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции – «относительное спокойствие и равнодушие» [5].

Второе важное свойство нашего массового сознания в отношении коррупции состоит в том, что выраженное осуждение в нем получают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток, в особенности, если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, характерен недавний случай, когда рядовой следователь требовала (следователь – дама) с предпринимателя взятку в 3 миллиона долл. (если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, все обошлось бы).

Третье регулярно акцентируемое качество нашего отношения к коррупции – непоследовательность и противоречивость. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и мое окружение – другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства («не подмажешь – не поедешь» и т.п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает негативной эмоциональной оценки. В то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Очень симптоматично и восприятие нами своего поведения в соответствии с формулой: «да, взятки берем, но решаем по совести». Отвечая на вопрос о том, кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционных сделок, более трети респондентов называют чиновника, а, оценивая свой собственный опыт таких сделок, чиновника указывают вдвое меньше – лишь 17 % респондентов [5]. Подобная «асимметрия восприятия» органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии [12; и др.].

Важная социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции, состоит в приоритете неформальных социальных отношений над формальными, «не уставных» над «уставными»: «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской

культуры» [13]. В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах, и многие другие³. «Взятка – пишет В. Радаев – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» [14, с. 162]. Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее материальных форм, вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически не ограниченные возможности.

Нашей, как и другим культурам, не изжившим элементы патриархальности, свойственны клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, «теневые» способы решения проблем, в т.ч. и властными структурами, всевозможные «серые кардиналы», «банановый»⁴ механизм приближения к власти и т.п. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственник круг» [15]. Отсюда проистекают такие очень характерные для нашего общества явления, как, например, то, что жены наших высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. Сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют свои прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. В частности, «Родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. (Не менее

³Следует подчеркнуть, что в «словаре коррупция (от лат. *corrumpere* – портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам» [8, с. 191]. А в международных документах, определяющих коррупцию, взятки в денежной форме тоже не упоминаются.

⁴Появление этого термина связано с тем, в т.н. «банановых» республиках вся родня их президентов, как правило, тоже состоит во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался у общего тренера и т.д.

удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти» [16]). Справедливо отмечается, что «Не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» [4, с. 4] – в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах. Наш бытовой лексикон изобилует такими выражениями, как «искать выход на» (далее указывается имя большого начальника»), а для нашей поведенческой практики очень характерно то, что, попав в какую-либо неприятную ситуацию, например, в ДТП в качестве их виновников, наши сограждане тут же начинают звонить не в ГАИ и не в службу Скорой помощи, чтобы она была оказана пострадавшим, а своим друзьям и знакомым – дабы их «отмазали». Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от него зависящего, готового взаимодействовать с государством только через «черный ход» беззакония» [17, с. 19].

Привычка добиваться чего-либо «через черный ход» – по знакомству», по блату и т.п. – органически внедрена в наш менталитет и, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной, не на товары народного потребления, а на другие цели. Исследование, проведенное в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, продемонстрировало: на вопрос «Что необходимо, чтобы стать богатым в России?», 63,6 % выбрали ответ «иметь нужные связи» [13]. Нередко проявляются и парадоксы. Другой опрос показал, что проблему борьбы с коррупцией 86 % населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при этом 40% выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике [18], очевидно, не видя связи одного с другим. А, по данным фонда ИНДЕМ, необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся, а активную антикоррупционную установку имеют лишь 13% предпринимателей и 15 % граждан [5]. Трудно не уловить сходство такого отношения населения к коррупции с отношением к ней наших властных структур, которые постоянно демонстрируют свою готовность решительно бороться с ней, но в основном на словах. На деле же российское законодательство в отношении коррупции удивляет своей мягкостью, а выполнять международные договоренности по борьбе с ней, в частности, касающиеся конфискации имущества коррупционеров и их родственников, наша страна явно не торопится.

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие нашу высокую склонность к коррупции:

- коррупция – это пережиток советской экономики дефицита;
- психология взятки укоренена в традиционных для патриархальных культур отношениях одаривания;
- взятка представляет собой рациональный инструмент нашей специфической рыночной экономики [15]. А самым простым подтверждением их конъюнкции служит то, что мздоимство было характерно для отечественной культуры всегда, но нынешний уровень коррупции для нее беспрецедентен.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «не уставных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей организованный характер: «Коррупционер-одиночка» в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции» [2, с. 443].

В этих «сетях» отчетливо выражены горизонтальное и вертикальное «измерения». Горизонтальное проявляется в тех случаях, когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», не делаясь ею с другим. Вертикальное – в ситуациях построения коррупционных структур как «коррупционных вертикалей», в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, те – со своим начальством и т.д. Попадая в коррупционные «сети», практически невозможно остаться некоррупцированным. Если же такой человек появляется, от него стремятся избавиться. Коррупционеры «своих не сдают», отчетливо проявляется феномен «круговой поруки» [15]¹, а что-либо изменить в соответствующих структурах можно только извне и при личном участии высокого начальства. Все это не только придает коррупцированным организациям характер «боевых единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дистрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы и т.д. И чем многочисленнее сеть

¹Отмечается и то, что «В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» [15].

участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» [2, с. 443].

Следует отметить и то, что в отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматривается как благодарность. Еще с советских времен у нас принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, в качестве само собой разумеющейся – несмотря на то, что оказывающие такие услуги и так должны это делать. Скажем, считается просто неприличным, придти, например, к врачу и не подарить ему коробку конфет (или горячительный напиток, если врач мужского пола). Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны – просто потому, что «так принято» (вспоминаются слова из песни Б. Окуджавы про черного кота: «каждый сам ему выносит и спасибо говорит»).

Подобные поступки воспринимаются в нашей стране не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают полное непонимание в других культурах. Например, российские эмигранты на Брайтон Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь заплатить им за то, что они выполняют свою работу. А добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой.

Мы считаем нормальным и обыденным то, что в западных странах расценивается как коррупционные преступления. Подобное отношение к коррупции имеет в России давние традиции. Так, например, еще в XVIII–XIX вв. воровство и мздоимство в государственных учреждениях получало безусловное одобрение в общественном сознании, что нашло отражение во множестве пословиц и поговорок [9]. А сейчас, согласно данным различных опросов, практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то, по крайней мере, время от времени не давал бы взятки в той или иной форме, причем, как показывают социологические исследования, коррупционное предложение, т.е. количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает коррупционный спрос, т.е. количество случаев вымогательства [15].

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в России, особенно в современной, «это больше, чем коррупция», даже при самом широком толковании последней, характерном для

международных программ борьбы с нею. Она оценивается, причем даже высокопоставленными отечественными чиновниками, как наш образ жизни [19]. Возможно, это – преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «Коррупция в нашей стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» [5].

При этом наша страна вписывается и в общемировые закономерности коррупции, находясь под влиянием соответствующих факторов. Так, например, уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм [20], которые еще не закреплены в законах, и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников. Поэтому, в частности, радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников рассматривается в качестве одного из главных направлений борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также анония, равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовые цинизм и утрата здравого смысла [21]. Она связана и с различными национальными особенностями общественной жизни, например, с традицией делать подарки [22, 23], с такой характеристикой культур, как коллективизм-индивидуализм [24], с особенностями религиозных конфессий [25] и с другими факторами. В результате «коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры» [13].

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований социокультурной обусловленности коррупции. Вместе с тем следует подчеркнуть и опасность ее абсолютизации: если уровень коррупции определяется вековыми особенностями национальной культуры, то попытки его снижения выглядят обреченными на провал. Существуют и опровержения этой позиции, состоящие в том, что, например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились ощутимых успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм в данном плане внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переехавшие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия [10]. Однако, возвращаясь в родные, высоко коррумпированные страны, они снова берутся за старое – начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология

человека, которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» [там же].

В целом же социально-психологические факторы коррупции можно – в первом приближении – сгруппировать в системе: 1) коррупционер, 2) коррумпирующий, 3) их социальное окружение. Как отмечает Т.А. Нестик, «коррупция это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон ... эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» [13]. Следует подчеркнуть, что традиционная трактовка коррупционных актов обычно игнорирует их третью сторону, учитывая лишь коррумпируемого и коррумпирующего, в результате чего за пределами анализа остаются важнейшие механизмы коррупции и соответствующие социально-психологические процессы.

Естественно, в предлагаемых способах противодействия коррупции в современной России нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. В то же время регулярно отмечается, что их недостаточно – даже при условии не только принятия, но и выполнения соответствующих законов. Юридические меры должны дополняться не юридическими, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи. Среди таких мер, в первую очередь, следует упомянуть изменение толерантного отношения к ней в нашем обществе, а также негативного отношения к информированию правоохранительных органов о коррупционных актах как к «доносам», психологический мониторинг антикоррупционных законопроектов, тестирование кандидатов на «взяткоемкие» должности с помощью специальных психологических методик (например, полиграфа) и др.

Литература

1. Transparency International. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#1
2. Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Под ред. О.Т. Богомолова. – М.: Институт экономических стратегий, 2010. – С. 427–455.
3. Александров Г. Где конец «откатов». Аргументы и факты. 2011, N 49 (1622).
4. Цепляев В., Пивоварова О. Власть от купюр. Аргументы и факты. 2011, N 44 (1617).
5. Исследование коррупции. – [Электронный ресурс]: <http://www.anti-corr.ru/awbreport/>

6. *Болдырев Ю.Ю.* Коррупция как системный порок российского капитализма. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Под ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий. 2010 – С. 456–474.

7. *Grossman G., Trempl V.G.* Personal incomes in the USSR. The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems. Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. Gower, 1987. P. 285–296.

8. Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов. Под ред. Д.В. Сочивко и Е.Е. Гавриной. – Рязань: 2010.

9. *Антонян Ю.А.* Типология коррупции и коррупционного поведения. [Электронный ресурс]: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>

10. Психологи изучили причины коррупции. – [Электронный ресурс]: <http://elizaveta-mc.ru/blogs/tag>

11. *Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П.* Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества. Психологический журнал. 2007, N 4. – С. 23–34.

12. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс. 1997.

13. *Нестик Т.А.* Коррупция и культура. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002, N 4. – [Электронный ресурс]: <http://corruption.rshu.ru/magazine/3/n4-05.html>

14. *Радаев В.* Формирование новых российских рынков. – М.: 1998. – с. 161–168.

15. *Алексеев С.В.* Коррупция в переходном обществе. – [Электронный ресурс]: http://www.ceninaku.ru/page_23202.htm

16. *Белай В.* Коррупция. – [Электронный ресурс]: <http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/blog/373/>

17. *Дубин Б.* Эпоха большинства. Аргументы и факты. 2011, N 45 (1618).

18. *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. – М.: РГГУ, 2000.

19. *Гудков Г.* Коррупция для России страшнее НАТО! Комсомольская правда. 2010, 15 января.

20. *Huntington S.* Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

21. *Klitgaard R.* Adjusting to reality: Beyond «state versus market» in economic development. San Francisco: ICS Press, 1991.

22. *Andvig J.* The economics of corruption: A survey. *Studi economici*, 1991, Vol. 46, N 43, pp. 57–94.

23. *Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemac D.J.* Cross-cultural business gift giving. A new conceptualization and theoretical framework. *International marketing review*, 1994, Vol. 11, N 4, pp. 46–47.

24. *LaPalombara J.* Structural and institutional aspects of corruption. *Social research*, 1994, Vol. LXI, pp. 325–350.

25. *LaPorta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.* The quality of government. *The journal of law, economics and organization*, 1999, Vol. XY (1), pp. 251–252.